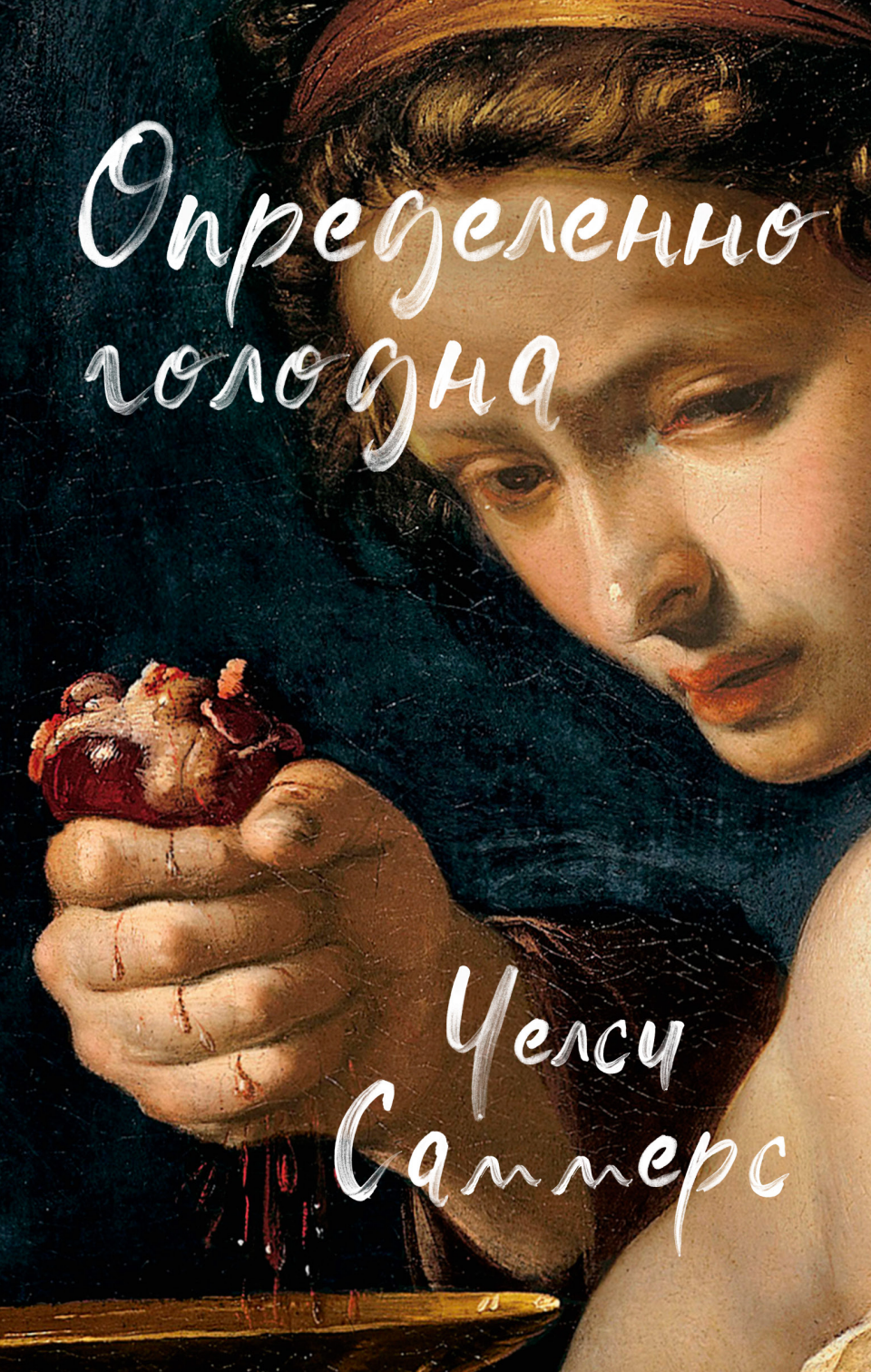
Определенно холодна
Челси Саммерс

Определенно холодна

1
«Оживитель трупов № 2»

Все они, эти отельные бары, кажутся одинаковыми, даже если не выглядят таковыми. Дерево и стекло, пальмы и бутылки, их свет окутывает теплым сиянием и утверждает вас в своем одиночестве. Отельные бары пахнут классовыми привилегиями, отчаянием и надеждой.

Я сидела в баре отеля, потягивая «Оживитель трупов № 2». Как известно знатокам коктейльной культуры, «Оживители трупов» были созданы в качестве средства от похмелья, они — та самая собачья шерсть, которую Аристофан назначал от похмелья своим сородичам, налегавшим на вино. Происхождение коктейлей из семейства «Оживителей трупов», как и многих других прекрасных вещей, окутано тайной. Их малоизвестные собратья впервые были зафиксированы в «Руководстве по застольям для джентльменов: Практические рецепты американских напитков, крепких напитков, зимних и летних напитков», изданном в тысяча девятьсот семьдесят первом году. Такое пьянящее название и содержание такого увесистого талмуда обещают полную гамму чувств. Каждый приличный

молодой человек должен изучить его от корки до корки, каждый неприличный — овладеть этими знаниями.

Большинство современных коктейлей появились во времена сухого закона, самого идиотского времени за всю историю Америки. И хотя в тысяча девятьсот двадцатых «Оживитель трупов» находился уже в довольно солидном возрасте, он легко преодолел эти годы бессмысленных лишений. Гарри Крэддок, легендарный американский бармен, который работал в лондонском «Савое», заново открыл этот коктейль, окончательно укрепив его статус в тридцатые, когда опубликовал свою книгу «Коктейли „Савоя“». Я не люблю крахмальную чопорность Крэддока. Мне больше по вкусу мужчины, которые целуются неистово. Но если отбросить в сторону степенный и хорошо понятный эрзац-англицизм Крэддока, можно увидеть, что под белым халатом этого бармена бешено билось мятежное сердце. Хотя бы тогда, когда я пью его творения. «Оживитель трупов № 2» от Гарри Крэддока — изысканнейший и совершенно анархический напиток: то, что делает его, его же и разрушает. Нотки абсента толкают «Оживителя трупов № 2» на территорию легких галлюциногенов — как бы приглашают и закрепляют здесь алкоголь. Абсент вообще был несправедливо запрещен в пуританской Америке целое столетие и вернулся сюда только в две тысячи седьмом. О, его возвращение на эти берега оказалось самым настоящим счастьем, несмотря на то что процент полыни в нем стал гораздо ниже.

Бар, в котором я потягиваю свой «Оживитель трупов № 2», принадлежит отнюдь не отелю «Са-

вой». Нет или, по крайней мере, еще не придумали тех эпитетов в превосходной степени, которыми можно было бы описать «Савой», но времена меняются, и места меняются вместе с ними. Этот исторический отель — дом неназванной любви Оскара Уайльда, обитель Сары Бернар, Ричарда Томаса и прочих омерзительно прекрасных звезд — впал в немилость, точнее, выпал из милости некоторых уважаемых людей. Хотя я люблю «Савой» — за его историю, непоколебимую приверженность роскоши и избыточный британский вкус. Кто-то может наслаждаться быстрым перепихоном в придорожных безвкусных мотелях со стенами, покрытыми акриловой краской, с полами, устланными мерзким ковролином, который на ощупь точно шерсть бездомного пса, с холодным, как будто телевизионным, светом. Конечно, нельзя сказать, что я не люблю безымянные отели. Но нет ничего прекраснее изысканных извращений, совершенных в комнатах с великолепным видом из окна, с тяжелыми портьерами, турецкими полотенцами и соответствующим ценником. Дешевое бывает хорошим, но дорогое — превосходно практически всегда. И «Савой» прежде всего — дорогой. Правда, с гораздо большей вероятностью вы найдете меня в отеле «Кафе Рояль» или в «Мэйфере» (декорирован он получше, но только на первый взгляд).

Я же сидела не в «Савое» и даже не в Лондоне, а в центре Нью-Йорка. Была осень две тысячи тринадцатого. Бар принадлежал отелю «НоМад». Я люблю заходить в отельные бары, даже когда нахожусь дома, в своем родном городе. Вы сидите там и чувствуете, как вас охватывает ощущение уто-

пичности, свойственное местам скопления странников. Отели — точно путешествие на поезде, точно постельный разговор с незнакомцем. Они позволяют занимать пространство, охваченное неопределенностью.

Я одиноко сидела в баре, в бокале передо мной бисерно посверкивал «Оживитель трупов № 2» оттенка зеленовато-белой изнанки мать-и-мачехи. Пятеро посетителей — две пары и одиночка — расположились вдоль широкой стойки, гладкой и темной, как бельгийский шоколад. Первая пара — бизнесмены в костюмах, затраханные своим бизнесом. Один из них, подняв бокал, пытался поймать мой взгляд. Другая пара — явно супруги, явно видеть друг друга не могут, и глаза у них совершенно мертвые. Одиночка — молодой холостяк, высокий и худой, с длинными аристократическими пальцами и бледной, точно французский сыр, кожей.

Он явно был тут по делу, хоть и без костюма. Его светло-фиолетовая рубашка в свете бара выглядела как застарелый синяк. В отличие от бизнесмена в костюме, который бросал на меня взгляды, как будто стряхивал пепел с сигареты, этот молодой одиночка смотрел на меня в зеркало безотрывно. Его самоуверенный взгляд не выражал ничего.

Я допила свой коктейль, дописала заметку о еде («Потроха и объедки», новый гастрономический ресторан, которым управляет Руперт Боннар, этот enfant terrible du jour, угощающий гурманов потрохами и ливером. Они же отчаянно ищут новых впечатлений, разевают рты, точно голодные птенчики, разверзают их, точно Голубую дыру в Дахабе, точно порнозвезда свою задницу. Эта еда превосходна.

Особенно тосты с утиной печенью — маслянистые, как головы конферансье из Вегаса, соленые, как водевильные танцоры. Мясные пироги с почками — нежные, подобно любовным песням, и роскошные, словно президент Уоррен Гардинг). И дождалась.

В широкое зеркало я увидела, как стройный холостяк провел рукой по волосам, собираясь подойти ко мне. Но сначала он наклонился к бармену и показал в мою сторону — передо мной тут же поставили бокал со свежим коктейлем, этакий элемент знакомства. Потом незнакомец наконец поймал мой взгляд, кивнул, чуть клюнув своим остреньким подбородком, и, соскользнув со стула, точно кусочек сливочного масла с горки горячих оладий, прискользил прямо ко мне.

— Слушай, — сказал он, — а ты интересная штучка.

Его голос оказался глубоким, акцент — странным. Воспитание он получил превосходное: зимой катался на лыжах в Доломитовых Альпах, лето проводил в десятикомнатном коттедже на Балтике, учился в частной школе с британскими учителями. Кожа его пахла дорогой бумагой и виски.

— Я знаю, — ответила я ему.

— Знаешь, — согласился он, скользнул на барный стул рядом со мной и просунул свои длинные ноги под стойку бара, в точности рассчитав каждое мгновение и каждый жест так же, как и сияние своей сорочки. Ни один мужчина не натянет на себя атласную сорочку, если не желает, чтобы его прибрали к рукам. — Я таких называю отдыхающими стервами. Забавно.

Я взглянула на него, приподняв бровь.

— Погоди, малыш, ты еще увидишь все это в полный, твою мать, рост.

Чуть позже, но именно что чуть, я исследовала рот этого молодого человека своим языком и пальцами, на вкус он оказался как скучный бурбон. Затем его рот испробовал лимон и соль моей устрицы — и то был вкус множественного оргазма и бреда.

Весь этот молодой человек был таким длинным и кремовым — просто восторг. Настоящая пикантно-сладкая печенька для оргазмов. Его удивительно хорошо воспитала мать-одиночка, эмигрировавшая в Британию из СССР, женщина, бесспорно обладавшая хорошим состоянием и тонким вкусом. Как если бы он был воспитанником Джиджи, известной модели, а сама Джиджи жила в Советском Союзе и ходила в наложницах у неизвестного партийного функционера. Так вот, этот молодой человек днем занимался хедж-фондами, а по ночам писал стихи. Его длинные пальцы стучали по клавиатуре, ведь перья слишком сложны и претенциозны.

Так много можно узнать о человеке, с которым просто хочешь потрахаться.

Оглядываясь назад, я понимаю, что должна была все знать. Должна была знать хоть что-то. Но, видите ли, остальные мужчины были совсем другими. Годами я строила с ними близкие отношения. Огромные просторные поместья нашей общей истории со сводчатыми потолками и сумеречными подвалами, тайными комнатами и библиотеками,

набитыми книгами, которые мы вместе читали, затаив дыхание, по вечерам. Вместе с Джованни, Эндрю, Джилом и Марко мы возводили дворцы нашей памяти, пристраивая к ним то одно, то другое крыло, добавляя комнаты и мансардные окна, временем расширяя барочные пространства и разделяя наш опыт друг с другом. С Джованни, с Эндрю, с Джилом и — особенно — с Марко. Я провела с ними большую часть своей жизни, даже если с каждым из них в отдельности мы вместе были слишком недолго, но соприкасались столь часто, что возникала иллюзия непрерывности.

А со временем это и вовсе стало казаться сплошным постоянством.

И вот этот молодой человек по имени Казимир — кстати, одно имя уже могло подсказать, потому что в весьма приблизительном переводе оно означает «разрушитель мира», — так вот, этот молодой человек был для меня ровным счетом ничем, одной-единственной точкой в азбуке Морзе всей моей жизни, причем такой точкой, которую и при чтении-то не заметишь. Краткой фонемой, обособленным обстоятельством, висячей строкой в наборном листе. Незавершенной мыслью он был. Когда этот бледнокожий русский взял меня за руку и повел в свою комнату, я даже не услышала предостерегающего писка. Я вообще ничего не слышу, когда мужчина хватает меня за волосы и тянет мою голову назад. А ведь я должна была услышать. Должна была догадаться. Но не произошло ни того, ни другого.